

справедливым поставить себе в заслугу по крайней мере то, что разбудил интерес к ораторскому искусству, которым пренебрегали и слишком долго держали в забвении: «Absit autem ut me reparatorem velim jactare perditae in Gallicis regionibus artis oratoriae, sed neglectae et intermissae jacentis et sopitae, in tenebrisque diutius sepultae, possum me sine jactancia... excitatorem quodammodo dicere»***. Как и в ответе Клеманжа кардиналу Пьетрамала, французское красноречие в латинском изложении опирается здесь на свою собственную традицию.

Если бы эта традиция нераздельно включала технику древнеримских грамматиков и христианский дух святых отцов, овладевших ею, то сам дух мастеров латинского красноречия был бы готов к подобному союзу. Можно было предвидеть, что благодаря нравственной культуре, которая требовалась от оратора, элоквиция Катона Старшего и Квинтилиана могла бы войти в христианское красноречие. Факты подтверждают эту гипотезу. Кто такой римский оратор? Человек, служащий добру и способный хорошо управлять своей речью: «vir bonus dicendi peritus»* * * *. И, как замечает Клеманж, «обращайте внимание на то, что именно он ставит в начало собственной характеристики: это — не умение хорошо управлять речью, но доброта человека». Уточним: он закрепил в своем сознании «vir bonus» в том месте, где определяется род всей его характеристики, — ибо на этом покоится красноречие. Уберите из-под дома фундамент — и весь дом рухнет; лишите оратора качества «человек, служащий добру» — и вы напрасно будете приписывать ему остальные каче-

Глава X. Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков 568

ства, потому что теперь вы наделяете ими не его, ибо он больше не способен их принять. Чтобы дополнить определение древних, скажем просто: оратор — это христианин, который умеет говорить. А так как Дух веет где хочет, то непонятно, почему ораторы могут быть только в Италии. К этому относится замечательный аргумент, высказанный «ad Cardinalem»* относительно ошибки итальянца, который должен был оказать влияние на то, что осталось у кардинала от священника.

В самом деле, одно слово позволяет не только полностью определить, а даже конкретизировать главную заботу, которая привела этих французов к красноречию: проповедь. Салутати говорил как художник, чувствительный к божественной красоте псалмов Давида и притч Христа, Клеманж больше всего думает о дыхании Духа, которое сделало красноречивыми пророков. В его письме Мартину де Калайо ясно говорится, в чем для него источник красноречия. Не без причины Святой Дух сошел на апостолов в виде огненных языков. Там, где божественная Мудрость шествует первой, красноречие идет вслед за нею. Разве не сказал Августин, что красноречие — спутник Мудрости («predissequam sapientiae»)? Это не то же самое, что видел Гораций, хотя бы в тени и загадке, когда он говорит в своей «Науке поэзии» (ст. 40—41):

...Что не поднимут они. Кто выбрал

посильную тему, Тот обретет и красивую речь, и ясный

порядок**.

«Potenter» («посильно»), разъясняет Клеманж, означает «sapienter» («проницательно», «мудро»). Мудрость Бога дарит красноречие или, вернее, дает его себе самой, ибо оно нужно ей как служанка («hujus ancillae famulatu indiget sapientia»)***. Марциан Капелла